
ЦНЕА 5 СЕНТ.

№ 25

ОРГАН

РУССКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

№ 25 | «DIELO TROUDA» Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
M. Ferandel, 14, rue du Repos, Paris (20e)
| ИЮНЬ 1927

УГРОЗА РЕВОЛЮЦИИ

Разрыв Англии с советской властью несомненно знаменует собой этап в области новой политики международной буржуазии. Последняя со времени Локарно все больше и больше набирается активности и определенно стремится диктовать свою волю всем непокорным и сомневающимся. В первую очередь она направляет свои силы на революционные течения рабочего класса. Откровенное наступление капитала на рабочий класс идет во всех странах Европы, причем консервативное английское правительство находится во главе этого наступления. Поскольку советская власть была хотя бы словесно связанной с революционными течениями мирового пролетариата, она стала нетерпимой для наступающего капитала и инициативное ядро этого капитала — английское правительство — порвало с ней. Возможно, что примеру английского правительства последует ряд других правительств.

Каковы возможные последствия происшедшего разрыва? Все почти руководители ВКП рассматривают разрыв, как прелюдию к вооруженному вторжению капиталис-
тических держав в СССР с целью реставрации старого
режима. Однако, есть данные, говорящие за то, что ак-
том разрыва с Москвой английское правительство стре-
мится оказать определенное воздействие на политичес-
кую линию большевиков. Так, телеграмма от 4-го июня
сообщает, что лорд Беркенхед в своей речи намекнул,
что отношения с советской Россией могут быть восста-
новлены, если большевики откажутся от идеи мировой
революции и, *в особенности*, если прекратят борьбу против британской империи. Иными словами, если большевики не будут мешать наступающему капиталу расправиться с революционными течениями рабочего класса.

Надо думать, что на указанных условиях капиталистическая Англия действительно восстановит прерванные сношения с большевиками. Но вопрос, — пойдут ли на эти условия большевики? Принять их значит пойти на фактическое содействие наступающему капиталу, ибо надуть лордов на словах большевикам теперь не удастся. И если вожди компартии искренни в своих заявлениях о том, что английское правительство замышляет вторжение в СССР, то они и вся партия в целом должны понять всю серьезность и ответственность создавшегося положения. Они должны понять, что первые военные столкновения Англии с советской властью действительно поставят под угрозу внешней смертельной опасности всю русскую революцию. Советские органы сами об этом трубят, и в этом отношении мы с ними вполне согласны.

К величайшей опасности революции, внутренняя политика большевиков такова, что она ведет не к сплочению революционных сил России, а к их разложению и истреблению. По сию пору большевики держат ставку на буржуазно-хозяйственные силы страны и с гибельной и роковой последовательностью давят на все лево-революционное, что сохранилось еще от лучших заветов русской социальной революции. Возможный факт наступления международного капитала на СССР покажет, сколь безумна в отношении революции и преступна была эта политика, ибо на этом факте всем станет ясно, что спасти революцию от наступающего капитала могут только лево-революционные элементы рабочего класса и крестьянства. Не демократы и не социал-демократы (эсеры, меньшевики, имеющие явную слабость к цивилизованному международному капиталу), а именно лево-революционные элементы, первые подавшие сигнал к социальному перевороту в России, по сию пору остав-

шиеся верными идеалам этого переворота, и теперь томящиеся за эту верность в тюрьмах и концлагерях СССР —анархисты-коммунисты, синдикалисты и за ними левые народники и часть рабочих большевиков.

Русская революция вдохновлялась крайними социально-революционными стремлениями рабочих и крестьян и была выношена силами левого сектора революционных рабочих и крестьян. Этими же силами она будет и спасена. Но для этого прежде всего должен быть восстановлен левый фланг русской революции. Опасное положение революционной России повелительно требует этого. Советская власть, в течении ряда лет ликвидировавшая этот фланг, обязана теперь, поскольку она искренна в своих призывах защищать революцию, сделать все необходимое, для восстановления лево-революционных сил русской революции.

С ПРОЛЕТАРИАТОМ ИЛИ С БУРЖУАЗИЕЙ?

В одном отношении большевики дали ценный пример, пример того, сколь глубоко власть развращает людей. В период подполья и революционной борьбы с царизмом партия социал-демократов большевиков имела в себе известную долю революционности и известную долю достоинства и ответственности перед рабочими массами. За десять лет своего владычества в России главное центральное ядро этой партии до неузнаваемости переродилось. Яд власти и привиллегии без остатка вытравили из нее былые тенденции революционности и солидарности. Вместо людей борьбы за лучшее будущее мы видим бездушных, лживых и лицемерных бюрократов, смысл существования которых кажется в том и заключается, чтобы получше обойти и надуть трудовые массы.

Правда, помимо яда власти на перерождение большевиков повлияла их социальная и классовая природа: партия коммунистов-большевиков, как и остальные социал-государственники, никогда не была рабочей партией, а являлась специфической партией революционной интеллигенции, созданной исключительно в целях осуществления исторических претензий интеллигенции на захват власти. Господская природа интеллигенци, сдобренная ядом власти, быстро превратила некогда революционную подпольную партию в касту бездушных и жадных чиновников.

Вся политика компартии в России за десять лет ее владычества представляет собой сплошную цепь лжи, лицемерия и политических махинаций в отношении трудящихся. Но там, где много лжи, там много деланной позы. Поза большевиков, рядящихся в тогу революционеров и непогрешимых представителей пролетариата, всем известна, всем примелькалась. И тем не менее чувство острого негодования не может не охватить каждого революционного рабочего при чтении различных деклараций советских делегаций на экономической конференции, созванной Лигой Наций в Женеве.

После всех горделивых фраз о том, что они ни в коем случае не пойдут на сотрудничество с Лигой Наций, большевики, подгоняемые железной логикой их капитализма-нэпа, все же очутились в приемной этой самой Лиги и уселись за общим столом с представителями мирового капитала решать вопросы промышленности, торговли и сельского хозяйства. Как и следовало ожидать, в первую очередь они настоятельно подчеркнули, что, в отличие от прочих присутствующих, они являются представителями рабочих и крестьян и в качестве таковых превознесли советсткую экономическую систему перед буржуазной. Но, добавил при этом Сокольников, — совместное сотрудничество этих двух систем вполне возможно.

В этом заявлении, думается нам, и заключается смысл участия большевиков в международной экономической конференции буржуазии. Сугубо капиталистическая практика большевиков внутри СССР ни на что иное не может толкнуть их в международном отношении, как на полную коалицию с промышленным, торговым и земельным капиталом Европы и Америки. И напрасно Сокольников, противопоставлял советскую экономическую систему частно-капиталистической, стараясь найти в них разницу по существу: уже тот факт, что обе системы сошлись за общим столом Лиги Наций и заявление самого Сокольникова о необходимости и возможности мирного *сосуществования* этих двух систем, показывает, что разницы по существу между ними нет никакой. Разница лишь в форме систем, проистекающая исключительно от политического положения каждой властвующей группы.

Но большевики не были бы большевиками, если бы, договариваясь о сотрудничестве с капиталистическим миром, они в то же самое время не подали бы нескольких революционных фраз, правда, лицемерных и насквозь фальшивых. Не успел еще Сокольников отговориться в стиле «сотрудничества» большевиков с капиталистическим миром, как за ним с целой программой, расчитанной на революционное сочувствие международного труда, выступил Осинский. Из выставленных им 11 пунктов, могущих облегчить переход к новой эпохе, приведем один, наиболее касающийся жизненных интересов труда: «*Установление полной и фактической свободы синдикальных организаций рабочего класса и абсолютной свободы стачек*»....

Как видим, требование действительно революционное. И все было бы хорошо, если бы это требование не было насквозь проникнуто ложью и лицемерием. И эти ложь и лицемерие заставляют негодовать каждого борца за рабочее дело в России. Ибо отсутствие каких бы то ни было прав и какой бы то ни было свободы у рабочих синдикаль

ных организаций в СССР составляет непременное условие их существования.

Разве Осинскому неизвестно, что в СССР имеют право на существование только те организации рабочего класса, которые абсолютно подчиняются власти компартии?

Разве не знает Осинский, что в СССР нет права свободных стачк и что стачки, причиняющие беспокойство и неприятные сердцу властвующей в России партии, приравниваются к государственной измене?

Имеется ли в России на свободе хоть один рабочий (мы не говорим уже о союзах рабочих), который мог бы открыто пропагандировать идею свободных рабочих синдикатов и идею свободы стачек?

Даже члены русской компартии, позволяющие себе думать чуть чуть иначе, нежели Ц.К. партии, неминуемо попадают на каторгу (оппозиция). Можно, следовательно, заключить, в сколь забитом и безмолвном состоянии находится широкая рабочая масса, действительно нуждающаяся и в свободе синдикальных организаций, и в свободе стачек, и в свободе слова и печати и всего этого лишенная диктаторствующей кликой.

Выступления большевиков на капиталистической конференции в защиту свободы рабочих организаций и прочих рабочих «свобод» и на этот раз явились ничем иным, как маской, под прикрытием которой они продолжают делать заведомо буржуазное дело — капитализацию революционной России. Не совсем понятно только, почему они на десятом году своей контр-революционной деятельности продолжают называть это дело социализмом и из-за этого вступают в пререкания и ссоры с представителями частного капитала.

Как бы то ни было, расчеты большевиков, собиравшихся на Женевской конференции и революционную невинность соблюсти и буржуазный капитал приобрести, не оправдались. Представитель французского капитала Лушер в ответ на речь Сокольникова сразу же заявил, что он вполне удовлетворен тезисом большевиков о «сосуществовании» двух систем — частно-капиталистической и государственно-капиталистической. А представитель реформистских синдикатов Франции Жуо показал, сколь фальшив большевистский коммунизм: осудив все экономические системы, за исключением собственной, большевики предложили в Женеве капиталистическим системам сотрудничать с ними на основах концессий, что совершенно исключает элемент коммунизма из хозяйства СССР. И основываясь на только что сделанном заявлении большевиков о «сотрудничестве и «сосуществовании», Жуо сделал вывод: если для большевиков оказалось необходимым сотрудничать с капитализмом, то большевикам следует признать это право за всеми другими рабочими организациями.

И в самом деле, почему сотрудничество большевиков с буржуазией, притом сотрудничество в широком хозяйственном масштабе, должно считаться необходимостью или даже революционной доблестью, а сотрудничество небольшевистских рабочих организаций предательством? Что за привеллегии установили для себя в этом отношении большевики? Представители реформистского крыла рабочего движения, каковым является Жуо, находят в этом месте явное противоречие у большевиков и делают из этого противоречия нужный для них вывод.

Таким образом, и нэповская практика большевиков и брошенный ими лозунг «сотрудничества» и «сосуществования» двух систем развязывают руки всем прислужникам буржуазии и дают им в руки оружие для оправдания самого крайнего оппортунизма и приспособленчества в рабочем классе. Слова Жуо служат красочной иллюстрацией этого. Логика фактов сильнее логики лицемерных фраз. И поскольку большевики со времени захвата власти занимались фактической контр-революционной деятельностью в отношении трудящихся, постольку буржуазия и ее прислужники пожинают теперь обильную жатву этой деятельности.

Но это еще не все. Капиталистическая буржуазия, используя приспособленчество большевиков в своих интересах против интересов трудящихся, вместе с тем не забывает трепать самих большевиков. В начавшемся общем наступлении буржуазии на рабочий класс советская власть также берется под обстрел. Разрыв английского правительства с советской властью надо понимать в том смысле, что международная буржуазия не приемлет «новой эпохи» большевиков, не интересуется их идеей сверхгосударства. Хотя в этой «новой эпохе» ничего нового нет, кроме огосударствленного народного хозяйства, совершенно не меняющего положения рабов ручного труда, тем не менее буржуазия в целом не питает симпатии к идее огосударствления в большевистской форме, как она была осуществлена в России. Идея эта связана, главным образом, с интересами узкой группы революционной интеллигенции, проникнутой жаждой власти в местном и международном размере. И поскольку большевики во имя захвата власти стараются оказать давление на старую буржуазию, чинить ей те или иные козни, постольку буржуазия не церемонится с ними и осыпает их колотушками. Так часто бывает с теми, кто болтается меж двух стульев. А большевики в течении всех лет русской революции поистине находятся меж двух стульев: трудящихся они славят революционными фразами, а фактически возводят для них здание нового рабства — огосударствленное хозяйство; буржуазию же они злят и раздражают своими попытками расстроить ее государственный аппарат во имя того же огосударствления.

Итак, *не с пролетариатом и не с буржуазией*, таково фактическое положение большевизма на арене социальной борьбы.

Но разве после десятилетнего опыта большевики не видят, что мечты и планы социалистической интеллигенции — все огосударствить и подчинить своей воле — разрушены? Что хотя они и сильны властью (в России), но *изолированы социально*?

Либо с пролетариатом, либо с буржуазией. Третьего, самостоятельного пути для социалистической интеллигенции в нашу эпоху не дано. Пора большевикам понять эту мысль и прекратить свою каинову работу — по-

рабощение трудовых масс во имя обанкротившихся планов социалистической интеллигенции.

Практика приспособленчества кроме трепки от буржуазии до сих пор ничего не дала большевикам. Социальной же революции она принесла неисчислимые беды. И из-за чего, спрашивается? Ради мещанских идеалов и временной удачи властвования?

Надо помнить, что «бой последний и решительный» еще впереди, что капиталистический мир к нему активно готовится. Как это ни покажется странным после протекшего десятилетия, но мы должны сказать, что большевикам следует пристально всмотреться в опыт протекшего десятилетия и найти в себе мужество и силу воли сбросить с себя гипноз пангосударства и решительно встать на сторону принципа безгосударственности и самоуправления рабочих классов. В противном случае они окажутся окончательным могильщиками русской и международной социальной революции. Выбор всецело находится в их руках.

П. АРШИНОВ.

АНГЛИЙСКИЙ ЗАКОН ПРОТИВ РАБОЧЕГО КЛАССА

Английская палата Общин только что утвердила во втором чтении закон, направленный против синдикальных свобод в стране. Мы будем говорить еще, в более удобное время, о разных ограничениях этого введенного проекта и даже о деталях закона. В данный момент нас больше всего интересует самый факт введения этого проекта закона. Как понять, что такая страна как Англия, которая всегда была так привязана к своим конституционным традициям, где игра в открытую, казалось, была в основании всякого политического акта — в особенности внутри страны — что эта страна сразу решилась порвать со своими старыми навыками и пошла по «революционному» пути кардинального преобразования «не писанной» конституции?.

В истории современной Англии это второй случай, когда правительственный акт переворачивает обычаи, существовавшие до того, и в корне изменяет политическую и социальную жизнь страны. Но в то время, как в первый раз, в 1911 году, закон, ограничивая прерогативы палаты лордов, затронул только интересы горсти консерваторов и аристократов, новый проект закона, ограничивая прерогативы трэд-юнионов, сильно затрагивает миллионы рабочих и ставит в опасность даже самое существование организованного синдикального движения.

1-го мая 1926 года была об,явлена в Англии всеобщая забастовка в знак солидарности с шахтерами, бастовавшими против уменьшения заработной платы. Ее энерлеты, ее энтузиазм, ее сила организованности, единодушие, с которой она была об,явлена, удивили весь мир. Единодушие забастовки поразило особенно английское правительство и Исполком Федерации Трэд-Юнионов. Эти две силы находившихся во главе двух главных течений, столкнувшиеся в борьбе, которая на первый взгляд должна была решить только участь требования шахтеров — прекрасно поняли, что они пошли на смертельную борьбу, которая сможет решиться только уничтожением одной из них. Со второго дня всеобщей забастовки стало ясно, что она должна — если она хочет остаться победительницей — до основания изменить «сочувствующий» характер начатой борьбы и взять на себя самую организацию ее, это значит, иными словами, принять все практические меры, чтобы продолжать *за свой собственный счет* экономическую и социальную жизнь,остановленную провозглашением стачки

Вспомним по этому поводу то, что писал в своих очерках о развернувшихся событиях в Великобритании вокруг всеобщей стачки, «трудовик» Пэдж Арнот, арестованный во время забастовки:

«Надо ясно понять, что генеральная забастовка и то, как она кончилась совершенно сблизило левых и правых. Это породило полнейшую солидарность между членами Совета Трэд-Юнионов, *и там, где могущественное влияние профсоюзной демократии было ослаблено или расколото, оно теперь скреплено, за исключением шахтеров.* Это влияние было брошено на чаши весов *против революционной политики*».

Именно эта «революциионная политика», испугав правых *также как и левых* из Совета Трэд Юнионов, начала брать верх. Она могла скоро изменить «симпатизирующий» характер движения на характер точно, открыто и *неизбежно* революционный.

Да иначе и не могло быть. Всеобщая забастовка — а она была действительно всеобщей все время пока она длилась—должна была,несмотря на все противоположные заявления, сделанные слепо и бестолково вождями Федерации Трэд-Юнионвв, принять характер экспроприаторской забастовки. Она должна была одновременно об,явить *кризис режима*.

Английское правительство поняло эту неизбежность раньше синдикальных вождей. Последние думали, что можно об,явить всеобщую забастовку на неопределенный срок без того, чтобы поставить перед рабочим классом и классом господствующим проблемы, превосходящие временное требование, которое было возбуждено вначале движения.

Правительство поставило перед синдикальными вождями страшную, но логичную дилему: *революция или немедленное прекращение всеобщей забастовки.* И Со вет Трэд-Юнионов, — левое крыло также как и правое — боясь революции больше, чем реакции, предпочел поражение рабочего класса,из-за риска потерять шансы стать, в более или менее близкий день *законным* рабочим правительством Британской Империи.

И поражение не заставило себя ждать. Забастовка шахтеров продолжалась еще более 7 месяцев. Но им недоставало поддержки всего рабочего класса, и они принуждены были вернуться в свои шахты более бедными, более побежденными, чем они были до стачки.

Правительство и господствующий класс ликовали. Партия была выиграна. Им нужно было во что бы то ни стало укрепить завоеванные позиции, чтобы предупредить попытки рабочего класса отвоевать утерянную почву. Отсюда, проект закона против него, проект, который у него отнимает его наиболее священное право: *право об,являть забастовки, отказаться от работы, когда это ему желательно.*

Будут ли английск. трэд-юнионисты активно противиться утверждению закона в третьем чтеньи? Будут ли они сопротивляться по всей стране, при применении его в жизнь? И, особенно, уничтожат ли они — придя к власти — несправедливый закон, порализующий всякое действие рабочего класса?

Конечно, парламентские дебаты всегда дают возможность оппозиции временно саботировать утвержденный закон, который ей не желателен. Конечно тысячи митингов, организованные в стране Рабочей Партией, вынесут резолюции против этого закона. Но уже теперь, мы можем быть уверены, что если когда-нибудь анти-рабочий проект станет законом, то не английская рабочая партия его отменит.

Взрыв генеральной забастовки дал урок «мудрости» вождям английской рабочей партии. *Они стараются предупредить всякую возможность аналогичного движения, когда так называемая рабочая власть будет управлять судьбами английской нации.* Нужно сломить напряжение воли рабочего класса для того, чтобы он не мог прибегнуть в благоприятный момент, при «рабочем» правительстве, к помощи прямого действия. Кому легче было сломать эту силу воли, как не самим вождям организованного рабочего класса — будущим обладателям портфелей, которые им вручит с полным доверием его Величество король Англии?

Всеобщая забастовка была также опасна для британского правительства, как для рабочей партии. Она станет еще более опасной для этой последней с того дня, как ей придется преодолевать ее грубой силой, которую ей доставит власть.

Итак, проект английских консерваторов *не больше и не меньше*, как огромная услуга, оказанная английской буржуазией тем, которые вскоре будут управлять страной, не тревожа буржуазии.

Во всем этом, к несчастью, мало идет вопрос о самом рабочем классе. Не умея отдавать себе отчет в тонкостях политической жизни, пролетариат верит еще в честность вождей, он верит еще, что при рабочем правительстве он сможет достигнуть большего благосостояния, о котором он может только мечтать и стремиться, когда власть находится в руках буржуазии. Он пойдет — еще раз — к избирательным урнам, чтоб призвать к власти «свою» партию.

Но он сделает это, вероятно, в последний раз. Английский рабочий класс медленно двигается. Ему достаточно будет видеть, что «его» правительство будет также мало склонно радикально изменять его положение, как и его предшественники — чтобы оказывать ему доверие в другой раз. И английские рабочие поймут, что они искали спасения на ложном пути.

Может и хорошо, что предательство вожаков английской рабочей партии завершится до конца. Может быть хорошо, что после позорного разгрома всеобщей стачки в мае 1926 года, рабочий класс потерпит еще поражение, которое ему готовит утверждение закона против его свободы действий. Слишком доверчивый еще к политике вождей своих синдикатов, английский рабочий класс скоро узнает, в чем дело, когда в один прекрасный день пелена с их глаз спадет; когда английские рабочие поймут, что роль синдикатов совершенно иная, чем ее определяют политиканы, трудовики, будь то справа или слева.

Тогда можно будет говорить о практических возможностях революционного синдикализма в Англии, противополагающегося всем партиям и всем политиканам. Тогда только явится надежда, что закон, который скоро будет вотирован станет мертвой буквой и что прямое действие рабочего класса заменит отжившие лицемерные методы партий и трэд-юнионистских синдикатов.

Сейчас Рабочая Партия и Федерация Трэд-Юнионов делают в их двуличной борьбе против нового закона их ход *политический*. Они как будто могут выиграть партию: по форме — против консерваторов, на деле — против рабочего класса. Но если закон пройдет, а для данного момента нельзя предвидеть, что бы его остановило, то он останется в силе при рабочем правительстве.

Последнее не поколеблется применить его в первый же раз, когда рабочий класс захочет своим собственным силами поднять широкое движение социальных требований.

Об,единение всех политических сил — консервативных, либеральных и «трудовых» — против малейшего революционного поползновения — знамя, под которым воздвигается новое рабочее законодательство в Англии.

А. ШАПИРО

(«La Voix du Travail»)

ФАШИЗМ В АНГЛИИ

В консервативном кабинете Болдвина с самого начала его существования наметились два течения: одно умеренное, подлинно консервативное в том смысле, что считало демократию, свободу личности и прочие основы английского конституционализма незыблемыми и не подлежащими изменению ни при каких обстоятельствах. Эта тенденция, преобладавшая в английской кабинете в начале его существования, и создала благоприятную почву для перехода ряда видных либералов в ряды консерваторов. Второе течение, представленное в кабинете Беркенхедом, Джойнсоном-Хиксом и Черчилем, не разбиралось в средствах для осуществления целей английской буржуазии и в этом смысле, являясь более реакционным, отходит от консерватизма и приближается к фашизму. Симпатии к фашизму у такого видного и влиятельного члена кабинета Болдвина, как Черчиль, давно установленный факт.

Последние события в Англии ярко свидетельствуют о том, что это последнее течение победило в английской политике. Выражением этой победы является билль о профсоюзах, обыск в Аркосе и разрыв англо-советских отношений.

Билль о трэд-юнионах ограничивает право стачек солидарности и запрещает всеобщие забастовки, считая этот вид проявления пролетарской борьбы антигосударственным актом. Бастовать не запрещается, но если забастовка принимает широкий, всеобщий и революционный характер, то она подлежит суровой каре, как акт антигосударственный. Билль этот, являющийся полным разрывом с консервативной традицией свобод граждан и организаций в Англии, заставляет думать о фашистских режимах других стран, а также о ...большевистской России. В Италии, Польше, Испании, Англии и СССР отныне царствует режим государственного зажима и мордобоя со всеми силами пролетарского авангарда, желающими толкнуть пролетариат вперед к победе и все большим завоеваниям. Свобода личности, свобода прессы и собраний и все прочие аттрибуты пресловутой демократии лопнули как мыльные пузыри. Вообще по всей Европе намечается решительное наступление на рабочий класс.

Билль об английских трэд-юнионах есть знаменье времени, говорящее об усилении фашистских течений в Англии. Но значение его этим не ограничивается. Конечно, если английский рабочий класс не отобьет во время атаки своей буржуазии, то этот билль может стать началом попытки ликвидации буржуазией английского профдвижения вообще, ибо любую стачку можно будет об'явить антигосударственным актом и любой профсоюз закрыть, как очаг антигосударственной работы. Биллем этим открывается широкое поле для административного произвола. Но возникает вопрос: нуждается ли рабочий класс для проявления своей воли и методов действий, будь это стачка обыкновенная, солидарности или всеобщая забастовка, байкот или саботаж — нуждается ли рабочий класс в этих случаях в санкциях буржуазного государства или буржуазного законодательства? Принятие билля о трэд-юнионах в Англии, слывущей «самой демократической» и «самой свободной» страной Европы, в той самой Англии, которой управлял уже рабочий кабинет Макдональда — дает на этот вопрос отчетливый ответ: нет рабочий класс для своих действий не только не нуждается в санкции каких бы то ни было правительств, но эти санкции для него прямо вредны. Ибо провалом своей генеральной стачки в мае 1926 года английский пролетариат больше всего обязан так характерному для английского профдвижения стремлению все делать только *в рамках легальности*, боязни совершить какой-нибудь непредвиденный буржуазным законодательством акт, т. е. боязнь всякого революционного действия. Нерешительность и трусость вождей не были случайностью, они были естественным следствием стремления к легальности во что бы то ни стало и что бы ни случилось. И здесь должно поставить вопрос шире и глубже, вопрос о *реформизме* в рабочем движении. во всей его широте. Нужен ли реформизм, т.е. стремление к улучшению жизни рабочего класса путем парламентской работы, стремление, вершиной которого является создание рабочего кабинета — нужен ли он или вреден? Может ли быть он в известных обстоятельствах оправдан или должен быть категорически всегда осужден? И здесь тоже принятие фашистского билля, который стремится к ликвидации профдвижения в стране, где только три года тому назад парламентским путем рабочая партия пришла к власти, дает ясный ответ: реформизм не только не полезен, он вреден. Все его достижения иллюзорны и разбиваются любым фашистским актом буржуазии. Реформизм ослабляет волю рабочего класса, убивает в нем революционный дух и энергию и делает его небоеспособным во времена атаки буржуазии. Реформизм есть средство в руках умной буржуеазии держать пролетариат на привязи. Реформизм не приближает, а удаляет рабочий класс от момента революции и тем самым от социализма и поэтому является реакционной формой деятельности рабочего класса. Проигранная генеральная стачка и билль о трэд-юнионах, являющийся провалом английского реформизма, свидетельствуют, что что реформизм вреден не только при известных обстоятельствах, но при лучших условиях его развития, как это имело место в Англии, *вреден, как сила, отдаляющая рабочий класс от революционных действий и чаяний при всяких условиях и при всяких обстоятельствах.*

Своим биллем о трэд-юнионах английская буржуазия, осмелевшая после провала генеральной стачки, бросила вызов рабочему классу, толкая и провоцируя его на бой. Примет ли рабочий класс этот бой, как подобает революционерам? Навряд ли. Виной — традиция реформизма.

Демонстративный отказ от своих мандатов всех рабочих депутатов, их выход из парламента, бойкот фашистского парламента рабочим классом, углубить и разжечь классовый антогонизм — вот *революционные* средства борьбы, которые кажутся в настоящий момент самыми це-

лесообразными с точки зрения агитационной (громадное впечатление этого поступка на массы и как следствие революционизировать их), организационной, тактической и идейной (приближение к социаллизму). Разжигание классовых противоречий внутри Англии помогло бы поражению Англии изнутри как империалистическкой державы.

Что же делают теперь вожаки рабочего движения в Англии? Они внесли около 500 поправок к биллю, жалких поправок, которые бессильны что нибудь сделать или чему-нибудь помешать и которые еще глубже втянут рабочий класс в тину реформитского болота.

Настал момент перевоспитания английского рабочего класса в духе революционом. Об,ективные предпосылки для этого в Англии имеются в лице сильного и развитого профдвижения. Но это под силу только стойкому революционному меньшинству, которое порывая с парламентаризмом и реформизмом, поведет рабочий класс на путь прямого революционного действия во имя принципа самоуправления рабочих классов.

Я. ВАЛЕЦКИЙ

ОХРАНА ТРУДА В РОССИИ

Отношение хозяйственников к несчастным случаям на заводах и рудниках особенно ясно показывает, какая пропасть выросла между правящим классом и заводскими рабочими в России; в самом деле явное пренебрежение правящих к тревожному росту несчастных случаев, отодвигание на задний план действительных мер, способных остановит его, ясно доказывает, насколько чужды русским хозяйственникам или по просту говоря хозяевам нужды пролетариата. Дело, конечно, не в особо присущей им жестокости; отдельно взятые эти правители, добрые отцы семейств, чуткие воспитатели, полные веры юноши, ищущие новых путей в искусстве и воспитании, возможно, почувствуют себя дурно при виде руки, разодранной в клочья машиной. Но ихнее углубление в исключительно умственный труд позволяет им не думать об этой опасности и в лучшем случае ограничиваться грустными вздохами, бормоча что-то про общее положение Республики; они продолжают спокойно получать свои оклады, отмахиваясь от мысли, что это цена загубленных рабочих жизней.

Тем более важно рабочему анархисту привлекать внимание своих товарищей по производству к угорожающей ему опасности; серьезно охранять жизнь пролетариев в России будет, конечно, только сам пролетариат, когда он будет вести производство. Но уже сегодня нашим товарищам надо поддерживать все усилия рабочих, которые не хотят стать калеками, добывая лишний червонец трестовику, и самое главное нашим товарищам надо об,единить, сплотить, перевести на путь планомерной и упорной борьбы ту ненависть, которая загорается стихийно, при виде шахтеров Донбасса, извлекаемых из-под обрушившейся породы, или торфяников, горящих на Красно-Знаменском болоте, обуглившихся в течении 3/4 часа невидимой силой электрического тока.

Нашим группам на заводе надо в этой работе строго разделить труд; одни должны взять на себя переговоры с администрацией о принятии всех предупредительных мер; при этом удобно ссылаться на интересы производства; действительно порой русские хозяева переходят в своем урезывании охраны труда тот предел, при котором это урезывание дает прибыль. Так, например, огромный трест в Донбассе Югосталь упорно отказывается проводить мероприятия по технике безопасности; и вот этот трест, владеющий лучшими шахтами, дает самый дорогой уголь в Донбассе. Использовывание законных возможностей для борьбы с несчастными случаями необходимо не столько потому, что для нас важна даже мелочь, если дело идет о здоровье и жизни рабочего; самое главное, однако, этим путем ясно доказать на месте, что сплошь и рядом администрация отклоняет самые простые, самые дешевые, легко проводимые меры; никакая агитация так не влияет на пролетариат, как сознание, что его считают рабочим скотом, о сохранности которого думают лишь после того, как все остальные требования производства удовлетворены.

Особенный яркий пример такого мероприятия, не требующего почти никаких затрат и тем не менее встречающего упорное сопротивление хозяев, дан нам в вопросе об установлении предельного веса переносимых в ручную грузов. По теперешнее время товары пакуются в в России тюками самого разнообразного веса, колеблющимися между 96 и 392 кл. Ввиду того, что механическия приспособления для погрузки и разгрузки очень мало распространены, что хозяйственники не покупают тачек и мостков, ссылаясь на недостаток средств, такие тюки грузчикам приходится таскать на спине. На Ижевском заводе женщинам угрожали расчетом, за отказ носить ящики весом от 128 до 144 кл. Последствием таких чрезмерных усилий на работе является то, что в Москве около половины грузчиков (45 %) страдают артерио-склерозом, а десятую часть из них мучает грыжа. Из двадцати московских грузчиков только один живет более 50 лет.

В Томске лишь десятая часть грузчиков состоит из здоровых людей. Требования союза местного транспорта о расширении механической погрузки отклонялись хозяйственниками, как немедленно невыполнимые.

И вот союз с 1922 года на своем третьем с,езде предложил выработать определенные нормы для различных грузов с тем, чтобы определенный тюк не весил более 5-ти пудов. С тех пор предложение это не проведено в жизнь. Единственная затрата для его проведения это некоторое вздорожание упаковки. Но в России жизнь грузчика дешевле рогожи и веревки.

Другая часть рабочих анархистов должна пользоваться общими собраниями, производственными совещаниями, различными с,ездами, чтобы на примерах несчастных случаев окончательно подорвать доверие рабочих к теперешней власти; крайне трудно дать какое-либо указание, как вести эту работу; единственной ненаказуемой формой прений является подача записок с вопросами, но так как они часто не оглашаются, то средство это имеет очень мало действия; иногда возможно выступать, разоблачая халатность администрации либо на своем же заводе, либо давая более общие сведения; все искусство состоит в том, чтобы дать ряд фактов наиболее важных, не делая самому заключения; но сами присутствующие должны унести впечатление, что охрана труда достигается лишь путем постоянной борьбы с хозяйственниками, которые всячески урезывают ее; многие товарищи настолько обозлены тем лицемерием, которым коммунисты, прикрывают свою эксплоатацию рабочих, что не ходят на собрания или упорно молчат на них, отказываются от участия в коммиссиях по охране труда, даже если их туда выбирают, избегают сотрудничать в стенных газетах из-за холопского тона их заправил. Между тем, при умелом подходе можно кое-чего достигнуть в смысле пропаганды, пользуясь этими отдушинами. Необходимость маскировать свою критику отталкивает очень многих, но рабочие очень быстро разбирают, что написано для цензуры, и приходится преодолевать свою брезгливость.

Докладчики коммунисты обычно пытаются «втирать очки» рабочим собраниям громкими словами об охране труда; в противовес надо всегда пользоваться либо точно проверенными фактами, либо данными, заимствованными из казенной печати.

Особенно веско в этом отношении официально признанное явление увеличения числа несчастных случаев; явление это установлено как в ряде отдельных производств, так и во всей промышленности вообще. Совещание фабзавкомов Московского уезда установило за 5 месяцев рост числа несчастных случаев на 80 % (Труд 6-4). Металозаводы Урала отметили за первый квартал 1925-26 г. 5.995 несчастных случаев, а за третий квартал того же года уже 7.720 (Труд 4-II). На металозаводах Перми произошло в первом квартале прошлого года 1624 несчастных случаев, во втором квартале — 2956, и в третьем — 8396. Так что из общего числа работающих было ранено в первом квартале 4,5 %, во 2-ом 7,6 %, а в 3-ем 122,5 % т.е. более десятой части рабочих. (Труд 2-XII).

В Ставропольском округе среди сельско-хозяйственных рабочих число несчастных случаев увеличилось *втрое* по сравнению с прошлым годом.(Труд 2-XII).

На Анджеро-Судженских копиях в 1925-26 году приходилось несчастных случаев 215 на каждую тысячу рабочих, т.е. увеличение достигло по сравнению с прошлым годом 6,3 % (Труд 26-XII).

Во время пленума Всеукраинского Комитета Союза горнорабочих было установлено, что увеличение числа несчастных случаев, приходившихся на каждых 10.000 горняков, достигло 27 % по отношению к 1924-25 г. (Труд 4-XII).

В Артемовском округе количество несчастных случаев увеличилось за прошлый год у горняков на 17 %, а у металистов на 62 % (Труд 22-XII).

Общие сведения, оглашенные ЦК Союза горняков, рисуют следующее положение: по горной промышленности в 1924-25 г. на 10000 рабочих приходится 1.516 несчастных случаев, а в 1925-26 г. их приходилось 1.796. Число тяжелых ранений повысилось с 38 до 42; цыфра же случаев со смертельным исходом изменилась от 10 до 10,58 (Труд 21-IV-27.).

Но сведения с мест тревожнее: делегат Луганска Мирошниченко сообщил последнему с,езду профсоюзов, что в его округе количество тяжелых и смертельных несчастных случаев возросло на 100 % (Труд 14-XII). Как раз о таком же увеличении говорил Сибирский делегат Соколов.

Итоги по всей России подведены в передовой редакционной статье Труда (3-IV-27): в третьем кварттале 1925-26 г. на 100.000 отработанных человекодней считалось 30 несчастных случаев; в 4-ом квартале 32,5; в 1-ом квартале 1926-27 г.38,8; во втором кварт. 45, а в 3-ем 46,3.

С первого взгляда эти цифры мало что говорят. Но вникните в них, они оживут. Они расскажут, как для того, чтобы «ответственные работники» пользовались утонченностью современной роскоши, русские шахтеры хрипят, задыхаясь под обвалившимися глыбами; но их последний вздох, их последнее проклятие строю, позволяющему такое неравенство, зовет нас на борьбу, на подмогу русскому пролетариату.

(*Продолжение следует*).

Н. ЛАЗАРЕВИЧ.

ЦЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД

У нас, наконец, появилась (на немецком языке) настоящая история анархического движения: два тома, автор которых — М. Неттлау. Первый из них, озаглавленный «Ранняя весна анархизма» (Der Vorfrühling der Anarchie), посвящен развитию анархической идеи от самых первых ее проблесков в древнем мире до появления анархизма в его современной форме, как определенного течения в социализме, т.е. до эпохи Прудона. Второй том, вышедший очень недавно, носит название «Анархизм от Прудона до Кропоткина» (Der Anarchismus von Proudhon zu Kropotkin) и охватывает период от последних годов жизни Прудона (начиная с 1859 г.)до 1880 года — года знаменательного в истории разработки анархических идей. Лучшего историка нашего движения,

чем автор этого труда, конечно, желать нельзя. Неттлау, во-первых, — историк, во-вторых — сам участник анархического движения в течении приблизительно сорока лет. Как историк, до тонкости изучивший эволюцию социалистических и революционных идей, он не только владеет богатейшим запасом фактических материалов, но у него есть чутье по отношению к изучаемой эпохе, понимание *ее* настроений, *ее* мотивов, способность смотреть на нее глазами *ее*, а не наших современников. Затем, как участник движения, а не только зритель, Неттлау вносит в свое изложнение и более редкие у историков черты: знание особой психологии революционной среды, жизни анархических групп, характера взаимных отношений, постановки вопросов, мотивов тех или иных выступлений. Кроме того, Неттлау знал *лично* почти всех видных деятелей движения времени I-го Интернационала, и позже и личные свидетельства, сведения от них полученные и впечатления от долгого общения с ними дали ему знание того, что для историка далекого — по времени или по убеждениям — осталось бы неизвестным и непонятным.

В настоящей заметке, цель которой только — познакомить товарищей с общим характером этой истории анархизма, я остановлюсь пока лишь на II-м томе, охватывающем период, более непосредственно нас касающийся, так как все мы воспитались на тех идеях, которые дал именно *этот* период. Неттлау устанавливает, что именно начиная с 60-х годов анархизм перестал быть чисто отвлеченным освободительным стремлением выдающихся умов человечества, а стал общественным *движением*, непрерывным, неистребимым, ставящим себе уже не только задачи теоретические, но и задачи практического осуществления определенного общественного идеала. Это об,единение философии с практикой нашло себе первого выразителя в Прудоне: с этого времени эволюция анархизма шла уже непрерывно и последовательно по определенному пути. Неттлау выдвигает самую главную, основную черту этой эволюции: это — постепенное преобразование и развитие взглядов на вопрос *собственности*, собственности на средства производства и собственности на продукты потребления. Вот три периода этой эволюции. У Прудона в основе желательного экономического строя лежит понятие равенства, равноценности и взаимности; производство и обмен построены на кооперативных началах; все члены общества пользуются одинаковыми правами в силу того, что они обмениваются *равноценными* услугами; каждый продукт обменивается на продукт равноценный. Эта первенствующая роль *взамности* в экономических отношениях дала социализму Прудона название социализма *мютюэллистского* (mutuel — взаимный). Понятие об *обобществленци* собственности в это учение не входит: экономическое равенство достигается уничтожением привиллегий капитала и утверждением одной только *трудовой* собственности. Точно также отсутствует и понятие об *экспроприации* имущего класса, и вопрос о путях осуществления коренного общественного преобразования остается открытым. Этот прудоновский социализм господствовал в первые годы существования Интернационала; но уже на конгрессах 1867 и 1868 годов виден переход к следующей стадии развития: провозглашается *общественная* собственность на землю и орудия труда. Это — начало второго периода.

В лучшую пору жизни Интернационала и в разгар деятельности Бакунина экономическия возрения анархистов обозначались термином *коллективизм*. Впоследствии термин этот подвергся всяким искажениям его первоначального смысла, но в то время он означал: *общественное* («коллективное») владение землею и орудиями труда и организация распределения соответственно желаньям той или другой общины, входящей в анархическую федерацию. Способ распределения — по труду, по потребностям и т. д. — таким образом не предрешался, а предоставлялся свободному выбору заинтересованных лиц и группировок. Когда Бакунин в одной из своих речей говорил: «я — не коммунист, я коллективист;» его коллективизм нужно понимать именно в этом смысле; коммунизм же, от которого он отказывался, был в то время исключительно коммунизмом государственным, предполагавшим сильную власть: лозунг «каждому по его потребностям» понимался так, что кто-то должен определять свыше эти потребности и наделять каждого тем, что ему полагается. Бакунин, замечает Неттлау, не мог удовлетворяться ни одною из существовавших тогда форм социализма: «Коммунисты пренебрегали свободою; Прудон выставлял сухую взаимность — давать и получать — вместо добровольной солидарности». Поэтому бакунинский социализм и принял особую новую форму: *целостного* социализма и *целостного* осуществления свободы, т. е. того «коллективистического» анархизма», о котором Неттлау говорит, что он — «естественное здоровое учение, одновременно зародившееся у Бакунина и у Де-Папа*), как дальнейшее развитие раннего прудоновского анархизма, основанного исключительно на взаимности». Когда коллективистический анархизм провозглашал принцип «каждому — полный продукт его труда», это не значило, что этот труд будет кем-нибудь оцениваться и по этой оценке вознаграждаться, это значило только, что никакой эксплоатации не будет, что никто не будет брать долю этого продукта себе, что паразитных классов не будет существтовать в обществе. Дальше в этот вопрос во времена Инернационала не углублялись, предоставляя остальное будущему.

Однако по мере того, как идеи разрабатывались, начали возникать в некоторых кружках новые вопросы и старый коллективизм переставал удовлетворять. Начиная с 1876 года, высказываются взгляды, которые впоследствии, развившись и систематизировавшись, составили «коммунистический анархизм». Это — третий период.

На этом третьем периоде, о котором Неттлау говорит, что он дал анархизму его современную, окончатель-

*) *Один их крупных деятелей Интернационала в Бельгии, игравший очень видную роль, особенно в первые годы*

ную (для большинства анархистов) форму, мы остановимся немного дольше, как на наиболее нам близком — не по времени, а по духу.

Новые взгляды, говорит Неттлау, зародились повидимому впервые в Женеве, в небольшой группе французских эмигрантов, состоявшей преимущественно из лионских рабочих; их исходною точкою была мысль, что точная оценка труда каждого работника — вещь невозможная и что всякая попытка такой оценки будет актом произвола и власти; единственное, чем можно, поэтому, руководствоваться при распределении, это — потребности каждого. В одной из изданных этою группою брошюр впервые попадаются слова «коммунистический анархизм». О *коммунистическом* анархизме говорил тогда и Элизэ Реклю, в своем *первом* открытом выступлении, в речи, произнесенной в Лозанне, в марте 1876 года. И около того же времени в итальянских кружках, где работал Малатеста, тоже стали говорить о том, что «обществу должны принадлежаить не только сырье и орудия производства, но и продукты труда», а на конгрессе Итальянской федерации было провозглашено, что «коллективная собственность на продукты есть необходимый вывод из коллективистической программы и что общее сотрудничество всех для удовлетворения нужд каждого есть единственная форма производства и потребления, отвечающая принципу солидарности».

Однако эта новая идея в то время не обратила на себя особенного внимания и ни споров, ни дебатов не возбудила: она не находилась в противоречии с общепринятым в анархической среде коллективизмом, а являлась как бы одною из возможных форм его. Не привлекла она вначале и внимания Кропоткина, с самого приезда своего за границу начавшаго интенсивную интернациональную деятельность — в Швейцарии, в Бельгии, затем во Франции. Но выработка идей уже шла. На Юрском конгрессе 1878 года Реклю поставил на обсуждение вопрос о составлении рода декларации на тему: почему мы — революционеры, анархисты, коллективисты? И в ответах — его, Кропоткина, Брусса — уже намечается вся будущая анархическая программа: и по вопросу о роли общины, как территориальной единицы, и о муниципальном социализме и т. д. Но главную и решающую роль в этой выработке сыграло основание газеты «Revolté» (Бунтовщик), за редактирование которой взялся, со всей своей энергией и со всем свои талантом, Кропоткин. *)

«Revolté» начал выходить в начале 1879 года и скоро стал не просто одним из анархических журналов, *а руководящим международным органом*, в котором последовательно освещались, с точки зрения практического осуществления в духе анархизма, все вопросы социализма и рабочего движения. Известные всем «Речи бунтовщика» — настольная книга анархистов всех стран — составились из статей Кропоткина в «Revolté». На конгрессе 1879 года центральным пунктом явился доклад Кропоткина: «Анархическая идея с точки зрения ее практического осуществления», доклад, в котором автор первый раз точно формулировал те взгляды, которые он проповедывал потом втечение всей своей жизни. Останавливаться на этом интереснейшем докладе, из которого Неттлау приводит ряд выдержек, у нас нет возможности; отметим только, что мысль Кропоткина в это время быстро развивалась от коллективистического анархизма Интернационала к анархизму коммунистическому. Неттлау указывает на 1880 год, как на решающий в этом отношении: мысль «коллективистов» Интернационала разделилась на две ветви: одни признавали общую собственность лишь на землю, сырье и орудия производства, оставляя предметы потребления в собственности частной; другие считали такое различие искусственным, на том основании, что каждый продукт потребления является вместе с тем и элементом производства, как необходимое условие поддержания нашей рабочей силы. В статьях «Revolté» Кропоткин теперь решительно отрицает всякое измерение труда и провозглашает равное право всех на общественное богатство. Оба направления столкнулись на конгрессе Юрской Федерации 1880 года; Кропоткин, Реклю, Кафиеро защищали новую идею анархического коммунизма, как единственно совместимаго с равенством, солидарностью и безгосударственностью, против некоторых старых членов Интернационала, отстаивавших уже не прежний, а с,уженный «коллективизм»: обобществление только земли и орудий труда. С этого времени коммунизм вошел в анархическое миросозерцание, как необходимая и неотделимая от него часть

Лично, Неттлау отрицает эту необходимость и неотделимость. Он считает, что в *то* время и в *той* обстановке провозглашение непримиримого анархического коммунизма имело свое основание в надежде на очень близкую социальную революцию и в необходимости бороться с умеренными течениями в социализме, но что, в сущности, это было не шагом вперед, а *с,ужением* анархической идеи В 1880 году, говорит он, старые рамки Интернационала, в которых уживались вместе анархисты (как коммунисты, так и коллективисты), марксисты и др., были разбиты и был провозглашен односторонний и непосредственный коммунизм. Этим создавалась анархо-коммунистическая партия: «всякий, кто считает, что обладает односторонним решением неизвестных вопросов будущего, тем самым входит в партию». Во время Интернационала, как Маркс, так и Бакунин хотели придать ему определенное партийное направление, но и тот и другой встретили сопротивление; в 1880 году Кропоткин, Кафиеро и Реклю не встретили твердого сопротивления, и с этого времени анархический коммунизм стал общим лозунгом. И насколько я много лет радовался этому, настолько я теперь чувствую, что это было опасным с,ужением анархического развития, шедшего широким потоком начиная с коллективизма 1868 года. В 1880 году произошел разрыв с действительностью. Не тотчас же,

*) *После ареста Кропоткина, газета была переименована (1885) в* «La Revolte» *(Бунт); еще позже, в начале 90-х годов, ее вновь пришлось переименовать в* «Temps Nouveaux» *(Новые Времена), под редакцией Ж. Грава, которые издавались без перерыва до об,явления войны 1914 года.*

но очень скоро возникло представление, что вне непосредственного перехода к коммунизму нет анархии, что всякое, абсолютно всякое иное представление об анархизме есть старый хлам»...За этою первою специализацией последовали еще другие,и в результате, говорит Неттлау, анархизм разбился на множестве течений, совершенно непримиримо друг у другу относящихся.

Эта точка зрения Неттлау является, конечно, спорной: возможны разные виды анархизма, но ведь вопрос в том, насколько они не заключают в себе внутренних противоречий; в этом отношении *коммунистический* анархизм является, несомненно, течением наиболее логически последовательным. Отсюда и его преобладающее влияние в нашем движении.

Книга Неттлау содержит в себе, помимо того центрального вопроса, на котором мы остановились, множество ценных данных о влиянии на развитие анархизма того или другого исторического момента, о роли в нем коммунистической идеи, о причинах преобладающего влияния в нем латинских стран и т.д.Для товарищей, владеющих немецким языком, знакомство с этою книгою положительно обязательно. А затем необходимо позаботиться о том, чтобы она появилась и в русском переводе.

М. КОРН.

К ВОПРОСУ О ПАРТИИ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

В борьбе за свое существование трудящиеся массы всего мира, шаг за шагом шли по пути организованности, в союзы, общества, корпорации и партии для более успешной, более реальной и плодотворной борьбы за свое существование и свое право на жизнь.

Передовые и более развитые члены общества развивали различные теории устройства общественной жизни и искали разрешения проблем социальной классовой борьбы и выхода из создавшегося невыносмого положения. Все существовавшие и существующие партии не являлись по природе своей пролетарскими, хотя и величали себя таковыми, а были главным ообразом партиями интеллигенции или буржуазии. Партией интеллигенции является и ВКП и поэтому все они так далеки от разрешения социального вопроса. Тем не менее, поскольку эти партии организованно воздействовали на рабочий класс, они имели несомненный успех. В своих революциях до сего времени трудящиеся уничтожали, не государство, а его формы, заменяя их другими,а чаще всего оставляя их и заменяя в них одних людей другими. Это — продукт нашей слабости и результат идейного воздействия наших противников. Раз труд бедняков во всем мире является кладом для буржуазии, а борьба рабочего класса против своих угнетателей является основой социального вопроса, то из этих положений родились, родятся и будут рождаться политические партии и их программы вплоть до тех пор, пока во всем мире не восторжествуют наши анархические идеи и пока на земле не воцарится анархический коммунизм.

Все предшествовавшие нам теоретики социальных проблем разумеется сделали за эти прошлые годы огромную работу, они подготовили умы. И мы обязаны своими познаниями в области социологии этим инициативным деятелям.

В великой мировой борьбе классов мы замечаем одно, что когда условия созрели для революции и активной революционной борьбы масс, то обыкновенно инициативу берет на себя не та, так другая личность, не та,так другая партия, это неизбежно и иначе быть не может. И во всякой политической партии есть свое инициативное начало, как и в обществе. Если же не будет выявлена та или иная инициатива со стороны личности, группы или партии, то дело революции гибнет. Тогда на плечи революционных масс садится власть в лице революционных правительств и наступает реакция и преждевременная смерть революции. Без свякой индивидуальной инициативы дело не обойдется и не обходилось, нигде и ни в чем, ни в группах, ни в партиях, ни в союзах, ни во всякого рода организациях, корпорациях и т.д. Да ведь мы, анархисты, инициативу личности в обществе не только не отрицаем, а наоборот стремимся максимально развить ее. Мы говорим, что в мире должно быть одно право, это право на свободу, все остальные права тогда приобретутся нами легко. А право свободы заключает в себе право каждой личности иметь по отношению к другим не больше обязанностей, чем другие к этой личности.

Из вышеизложенного ясно вытекает, как теоретически, так и практически, что в социальной борьбе и рабочем движении, в его успехе играет роль инициатива руководящей партии. Я не буду говорить о партиях буржуазного мира, защищающих основы капиталитсического строя, я только укажу на то, что последние десятилетие руководящей партией рабочего класса была и есть партия соц.-демократов, в России ВКП. И это несмотря на интеллигентскую нерабочую природу этих партий. Такова сила инициативы и организованности.

В борьбе классов и в рабочем движении мы анархисты вот уже больше 30 лет принимаем активное участие, стремясь осуществить наш идеал. Не мало мы положили сил и жетрв в этой борьбе. Не мало выделили из своей среды замечательных борцов за социальный идеал трудящихся, Бакунин, Кропоткин, Реклю и многое множество безымянных героев из рабочего класса. Но несмотря на это, результаты нашего движения и борьбы слабые. К тому же большим плюсом для нас и нашего движения служит то, что все достижения социалистов государственников говорят за нас. Все их системы парламентаризма, прославутой демократии и государственного социализма СССР, наглядно, живым примером доказы-

вают правоту, силу и беспорность наших анархических идеалов. Но почему же в наши ряды не вливаются сотнями, тысячами рабочие массы? Почему же мы так слабы? Почему наши анархические группы и группки так малочисленны? Почему политические партии социалистов государственников имеют больше успеха, чем мы в области организации и привлечения рабочих масс в свои ряды?

Мне могут ответить, что дело не в количестве, а в качестве. Боюсь, что в данном случае такой ответ будет злоупотреблением хорошим изречением, ибо особым выдающимся качеством мы похвалиться не можем. А ведь сами рабочие, особено передовые говорят о том, что их не удовлетворяют программы существующих политических партий, что они ищут выхода, новых идей и новых путей.

Иллюстрацией для нас и ярким примером может слуслужить СССР. Там ВКП, заботясь о могуществе своего «пролетарского» в ковычках государства, так же, как и все буржуазные республики, совершенно забывает о лич ностях, вынужденных страдать под гнетом борьбы за существование. Ратуя о рабочих и крестьянах, называя себя громким именем рабоче-крестьянской власти, она не только забыла их, но от них и во имя их жестоко их эксплоатирует. В результате — недовольство масс, брожение, оппозиция. Ведь там давно бы нужно было быть нашей анархической революции. Не мало там было и есть анархистов. Но большевики царствуют вот уже скоро десять лет. Спрашивается, неужели большевизм себя еще не изжил? Неужели он так устойчив?

Не в большевизме дело, а в том, что у масс нет идейного выхода, нет у них ркуководящей силы, которая бы указала новые подлинные пути революции, осветила бы их запросы, желания и чаяния, которая могла бы взять инициативу их собирания и группировку их сил в одно целое . Словом нет среди них подлинной партии труда — партии анархистов коммунистов. Этого не хватает и нам. В своей статье в N 4 Д. Т. «Неотложные задачи» я писал *«нам анархистам необходимо об,единить свои силы в анархическую партию»*, а в другой своей статье указывал *«Жизнь требует от нас строжайшей организованности и эту организованность мы лучше всего осуществим в анархической партии»*.Да, для рабочих масс всего мира и для нас анархистов необходима спаянная анархо-коммунистическая партия. Отсутствие международной партии анархистов-коммунистов позволяет социалистам государственникам решать судьбы рабочего класса.Раз мы договорились до Всеобщего Союза анархистов и до международного анархического бюро, покоющихся на определенной организационной платформе, раз много анархистов активистов, как в России, Европе и Америке, примыкает к нашему организационному плану,то надо окончательно формулировать нашу организационную проблему. А именно, как отмеченно в N23-24 Д.Т. создание анархо-коммунистической партии является важнейшей и спешной задачей анархического движения всех стран.

Рабочие массы за последнее столетие своего движения привыкли к положительной организованности и требуют от нас анархистов проявления этой же организованности. Чтобы стать идейной и организационной силой в рабочем движении и движении трудового крестьянства, нам нужна партия. Без этого ничего сделать не можем. Организуясь в партию, мы предохраним движение от опасного хаотического безответственного элемента, приносящего анархизму более вреда, чем наши прямые враги.У нас сплошь и рядом происходит так, что не успеешь принять и разработать ряд вопросов в области прак тических мероприятий, смотришь, все это известно полиции, дело рушится, и вот начинай сначала, трата времени и лиц. Выходит не работа, а толчея воды в буржуазной ступе. Разве это надо для социальной революции?

Нужен строгий отбор революционных работникков, исповедующих общую идею. Довольно играть в бирюльки, довольно попусту звонить, довольно зря тратить силы и отдавать людей в жертву молоху. Нам нужны три вещи: организованность, организованность и еще раз организованность. Не забудьте, товарищи анархисты, и запомните раз навсегда: успех нашего движения и реализация анархических идей лежат в строжайшей анар хической организованности, которая теперь возможна не иначе, как в анархо-коммунистической партии. Послед нее слово и дело в области мирового рабочего движения и анархической революции за партией анархистов коммунистов.

Я здесь совершенно отбрасываю нелепое возражение противников анархической организованности, понимающих под словом партия властническую организацию, подобную партиям социалистов государственников. Мы не должны забывать, что нас с государствеенниками мешать нельзя. Мы анархисты комунисты — антигосударственники, мы против всякого рабства, порабощения лич ности. Но мы также не забываем, что нет прав без обязанностей и вот из этих то обязанностей идейно и органганизационно вытекает необходимость постройки «П.А.К.».

Выработаем устав-программу, всех удовлетворяющую, тогда будущее за нами. Будь такая П. А. К. сейчас в России, я определенно утверждаю, что она сыграла бы огромную роль. Вся масса была бы с нами и мы бы побе дили реакцию большевиков. Массы пошли бы с нами, зная, что на наших знаменах, в нашей программе и в нашей тактике есть девиз — уничтожение частной и государственной собственности, уничтожение власти и государства и всех его органов и институтов; постройка общественной жизни на началах независимости, подлинного рабоче-крестьянского самоуправления, т. е. на началах анархического коммунизма. Сущность нашей идеологии заставляет нас создать «П.А.К.» Устав программа, это и есть договор, по принципу: все за одного, один за всех. Нет никакого основания для каждого анархиста, если он не валяй-анархист, бояться слова партия.

Или создание Партии Анархистов Коммунистов и Международной Анар. Коммун. организации в полном смысле этого слова, а с этим расцвет анархиеского

движения и его полный успех и опефеоз нашей анархической революции. Или же групповая единичная ответственность, болтовня и гибель всего анархического движения и бесполезная трата времени сил и людей. Иного исхода нет. Кто за свободу труда, тот за анархическую организованность. Противники организованности — враги свободы труда. На смену большевизму идет анархический коммунизм.

Рига.

А. ЧЕРНЯКОВ.

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ РЕВОЛЮЦИИ *)

В виду дискуссии среди наших товарищей во многих странах по поводу проекта платформы Всеобщего Союза Анархистов, выпущенного Группой Русских Анархистов Заграницей, ряд товарищей просит меня написать одну-две статьи специально по вопросу о защите революции.

С большим вниманием подхожу к этому серьезному вопросу. При этом я считаю прямой своей обязанностью предупредить товарищей о том, что пункт о защите революции, изложенный в проекте платформы Всеобщего Союза Анархистов не является принципиальным пунктом платформы... И поскольку этот пункт не является принципиальным он не вызывает во мне той значительности, из-за которой нужно тратить время и силы на дискуссии в той ее плоскости, в какой она ведется многими нашими товарищами.

Для меня лично(я думаю, что и для каждого серьезного вдумчивого товарища) важна принципиальная часть «проекта платформы Всеобщего Союза Анархистов». Она правильна и указывает на необходимость в наших анархо-коммунистических рядах серьезнейшим образом разобраться в ней. Чего недостает, пополнить и, базируясь на ней, заняться делом группирования наших сил, их определенной организацией. В противном случае нашему движению суждено окончательно подпасть под влияние оппортунистов и либералов в наших рядах, а то и просто спекулянтов и всевозможных проходимцев политических, способных попусту болтать вдали от дела трудящихся масс, но не способных ни сами практически бороться и умирать на пути нашего движения за его великие цели, ни вести за собой тех, кто инстинктивно верит в наше движение и в моменты революции через него стремится практически завоевать себе свободу и независимость, строить новое общество, новое право, новый порядок, через которые и в котором мог бы каждый человек свободно утверждать свою творческую волю на пользу себе и ему подобных.

Касаясь вопроса о защите революции вообще, я нахожу ему разрешение, исходя из того многолетного опыта в Русской революции на Украине, который я и руководимое мною революционное движение украинских тружеников за годы нашей неравной, но решительной борьбы пережили. Этот опыт мне говорит, во первых, что защита революции тесно связана с наступлением революции на контр-революцию. Во-вторых, что рост и развитие сил защиты революции всегда обусловливается силами сопротивления со стороны контр-революции. И в третьих, что от вышеопределенных двух основных положений практических действий революции в большинстве случаев зависит и внутренее содержание, форма и методы самой организации тех военно-революционных формирований, которым придется повсеместно определенным фронтом отражать и разбивать вооруженные фронты контр-революции.

Русская революция в борьбе с своей внутренней контрреволюцией проводилась под руководительством большевиков силами красногвардейских отрядов. Но в скором времени было замечено, что красногвардейские отряды, действовавшие в большинстве случаев без мало-мальски общей оперативной ориентации, не выдерживают натиска организованной контр-революции в лице немецко-австро-венгерских экспедиционных армий. И большевики в России прибегли к организации красной армии весною 1918 года.

Мы же формулировали перед украинскими тружениками лозунг организации «вольных батальонов». Правда, организация «вольных батальонов» весной 1918 года в силу того, что она допускала вступление в эти боевые единицы каждого, желавшего взять в руки оружие без всякой проверки — кто он, оказалась бессильной справиться со всякого рода провокацией внутри вольных батальонов. Благодаря чему она, организация, как и сами батальоны, была изменически предана контр-революционерами. И это помешало ей на этот раз полностью и *до конца* сыграть свою историческую роль в борьбе против немецко-австро-венгерской контр-революции.

Однако, перед этой первой неудачей в деле организации «Вольных батальонов» — этих можно сказать, непосредственных революционных боевых единиц защиты революции, мы не растерялись. Организация «вольных батальонов» была несколько видоизменена. Сами батальоны были пополнены подсобными или легкими партизанскими отрядами сводного конно-пехотного рода, в задачу которых входила деятельность по глубоким тылам противника. И повторяю оправдала она себя в своих революционных действиях против немецко-австро-венгерских экспедиционных армий и банд гетмана Скоропадского в конце лета и осенью того же 1918 года.

Придерживаясь этой формы организации защиты революции, украинские революционные труженики у себя на местах вырвали из петли австро-германского юн-

---

*) *Статья освещает вопрос с чисто военной стороны.* *Ред.*

[illegible] на Украине, углубляя ее, защищая на протяжении ряда месяцев и от немецко-австрийских армий, и от отрядов украинской директории, во главе которой стоял Петлюра и Винниченко, и от отрядов генералов Каледина и Деникина.

Примечание. (Большевики в это время своих отрядов [illegible] боевые части при [illegible] на Украине [illegible] из России и [illegible] шли на Украину [illegible] и против контр-ре заняли фронт параллельно с нами [illegible], стараясь как будто итти навстречу организовавшимся без них и не по их государственническому [illegible] революционным труженикам, но в действительности [illegible] разложением их, не брезгуя при [illegible] [illegible] патронами и снаряд[illegible] [illegible] фронту наступательные действия и когда [illegible] бой [illegible] от [illegible] орудийного и пулеметного огня).

Но по мере того, как росла и развивалась контр-революция внутри страны, она получала поддержку из других стран. А из других стран контр-революция получала поддержку не только вооружением и снаряжением, но и солдатами. По мере этого, и параллельно с этим росла и развивалась наша организация защиты революции, принимая вместе с этим и по силе надобности в себя новое содержание, форму и методы для своих дальнейших действий.

Как известно, самым опасным в это время контр-революционным фронтом был Деникинский. Революционно-повстанческий фронт стоял деникинскому фронту в лоб на протяжении 5-6 месяцев. Об наши организованные революционные силы, которые до этого ни у кого не просили никакой поддержки и вооружались исключительно за счет отнятого вооружения у противника, многие из лучших деникинских полководцев сломали себе голову. Но этому много содействовало то состояние нашей организации, которое, не нарушив внутреннего автономного содержания боевых частей, позволило реорганизовать их в полки и бригады с единым оперативным и организационно-контрольным штабом.

Правда, создание общего оперативного и организационно-контрольного штаба у нас произошло на почве того, что борющиеся революционные трудовые массы на фронте и в тылу признали необходимость единого командования. Эти труженики под влиянием нашей крестьянской группы анархо-коммунистов занимались в это время учетом и распределением своих сил, определением за каждым человеком равного права на участие во всех областях нового социально-общественного строительства, и обязанности защищать его. И так как в это время фронт деникинской контр-революции угрожал прямой смертью и революции и жизни в ней нашей антигосударственнической идеи, вокруг которой революционные труженики группировались с особым интересом, то они, эти труженики, и уделили свое особое внимание нашей организации защиты революции, признав ее своей [illegible] [illegible] [illegible] бойцами.

Это явление в практическом деле и породило в рядах нашей организации защиты революции на известной [illegible] целью единый организационный [illegible] штаб для всех [illegible] [illegible] боевых единиц.

И я теперь не допускаю мысли, чтобы революционные анархисты в своих практических действиях в рядах широких революционных масс отрицали идею единых оперативных и организационно-контрольных штабов, стратегически направляющих вооруженные силы революции против вооруженных сил контр-революции.

Мы уверены, что каждый революционный анархист, попав в условия подлинной революции трудящихся, вынужден будет действовать по тем же военно-революционным методам, по которым действовали мы, пережившие историю гражданской борьбы на Украине. Если же в будущей социальной революции найдутся анархисты, которые при всем наличии вооруженных фронтов контр-революции будут избегать указанных выше организационных начал, то эти анархисты будут только на словах стоять в рядах своего движения, на деле же они будут находиться вне его, или же будут вредить ему.

При решении вопроса о защите революции анархисты должны руководиться социальным характером анархо-коммунизма. Или движение это есть революционно-социальное движение, тогда мы должны признать необходимость организовать его и вооружить достойными его определенными социальными средствами, имя которым социальные учреждения, и целиком погрузиться в практическую жизнь и борьбу трудящихся масс.

Или же это движение есть утопия мечтателей, тогда мы не должны сбивать с пути революционных тружеников, не понимающих нас и идущих за социалистами-государственниками. Безусловно анархизм — революционно-социальное движение и поэтому я стоял и буду стоять за его определенную организацию теперь же и за отряды, батальоны, полки, бригады и дивизии в моменты революции, которым, быть может, придется временами сливаться в общие районные армии с единым районным командованием и организационно-контрольными штабами, которым по силе надобности придется, быть может, в свою очередь, временами выделять из себя свой федеративный оперативный план, при помощи которого можно было бы, в целях успешного завершения дела борьбы на фронтах против вооруженной конр-революции координировать действия районных армий на местах.

Дело защиты революции от вооруженной контр-революции не легкое дело. Оно может потребовать от борющихся революционных масс слишком большого организационного напряжения. И революционные анархисты должны это знать и быть к этому готовыми.

Н. МАХНО.

РОССИЯ

АРЕСТЫ КОММУНИСТОВ-ОППОЗИЦИОНЕРОВ

В Харькове и на нескольких рудниках Донбасса произведены аресты коммунистов, принадлежащих к оппозиции. ГПУ обвиняет их в том, что ими были отпечатаны и распространены несколько листовок по поводу преследования рабочих, снижения расценков и все растущих несчастных случаев. Один листок рассказывает рабочим о том, за что сослали в глухую ссылку многих рабочих, погибающих там от голода и лишений. («Соц.Вес.»)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К РАБОЧИМ ДЕЛЕГАЦИЯМ, ОТПРАВЛЯЮЩИМСЯ ИЗ АМЕРИКИ И ЕВРОПЫ В СОВ. РОССИЮ.

ЖИВ ЛИ ЕЩЕ ТОВ. МЯСНИКОВ?

Печатаемое ниже письмо опубликовано в Германии «Международной Левокоммунистической Организацией». От имени этой организации это письмо подписано: Лаутенбахом и Гилишеном (Германия), Ф. Дюпоном (Франция), Гей Адлером (Англия и Шотландия), В. Мушинским (Польша), Иваном Карпелянским и Грушенко (СССР), Антоном Светликом (Чехословакия), Али Акбар (Индия), Ясмада (Япония). Оффициальное ответственное за издание документа лицо — Шлагеверт, левый коммунист, член рейхстага.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

На случай, если вы поедете в Сибирь, мы просим вас разыскать там томящихся в тюрьмах рабочих коммунистов и прежде всего тов. Гаврила Мясникова (Томск), Николая Кузнецова (Барнаул) и тов. Порестатова (Семипалатинск), повидаться и говорить с ними и высказать нам ваше мнение и впечатления об их состоянии и состоянии их семейств.

Дальше мы вас просим проверить следующее в России:

1. 27 декабря 1924 г. в 3 часа ночи часть заключенных рабочих коммунистов была высланна их Москвы в отдельном поезде под усиленной охраной ГПУ, в северные леса России (Чердынский Округ). Что дальше стало с этими товарищами? Требуйте от ГПУ точных поименных сведений и причинах этих мероприятий.

2. Нелегальная листовка Московской «Коммунистической Рабочей Группы» от 8 декабря 1924 г. извещала, что 11 заключенных членов Пермской Рабочей Группы начали голодовку с требованием гласного суда над ними. Требуйте мотивировки их преследования, узнайте их участь, так как после этой листовки царит полное молчание о них.

3. Дальше просим вас, непременно разузнать в Центральном Управлении ГПУ, что стало с остальными преследуемыми членами Рабочей Группы. Из многих мы перечислем нескольких: Александр Медведев (Московский электротрест), Кочнов, Тиуров, Ильин, Сорвин, Моисеев, Михайлов, Берзина, Демидов, Полозов, Матросов, Баранов. Товарищи Демидов и Берзина, несмотря на то, что они члены Московского Совета, брошены в тюрьму без всякого обвинения, также Медведева, несмотря на то, что против него нельзя было найти достоверных обвинений и несмотря на туберкулез и семидневную голодовку, держали в заключении.

4. Николай Кузнецов сидит в заключении в Сибири с января 1924 г. За это время, насколько до нас доходят сведения, он проделал три продолжительные голодовки, из коих одна длилась 13, а другая 15 дней. То, что тов. Кузнецов прибегает к такому потрясающему средству, как такие длительные забастовки, заставляет нас думать об ужасном режиме в тюрьме, заставляющем его протестовать таким образом перед всем миром. Что теперь стало с этим честным стойким революционным коммунистом?

5. В Ульяновске (Симбирске) 17 членов рабочей оппозиции заключены и осуждены: Баринов и Кольцов к тюремному заключению в Тобольске, остальные к ссылке в разные отдаленные области. Рабочий коммунист Капустин, который во время рабочих волнений в Донском Округе был послан в Челябинск, якобы в распоряжение партии, теперь там арестован, как член левой оппозиции. Челябинск вообще главный концентрационный пункт всех заключенных и осужденных коммунистов-оппозиционеров. Посетите же их!

6. В Заграничной прессе было опубликовано, что в Николаеве на Черном море председатель Всеукраинского Совета Петровский освободил 26 из 46 заключенных рабочих-коммунистов. Верны ли эти сведенья? Что стало с остальными 20-ю преследуемыми товарищами?

7. Далее извещает заграничная пресса, что 4 товарища из Рабочей Группы Уральского округа и 4 товарища в Баку были расстреляны, потому что они защищались, при грубом обращении с ними. Причиной их заключения было следующее: их обвиняли в инсценировке больших рабочих волнений и стачек.

8. В одной из брошюр, нелегально выпущенных оппозицией коммунистических рабочих в Екатеринбурге (Свердловске) 17 января с. г. — описывается между прочим зверская жестокость Свердловского ГПУ, которую последнее применило по отношению к представителю местной «рабочей группы» Нилова, которого обвиняли в участии в нелегальном, преследуемом комитете действия, который провел много забастовок в округе. В ГПУ требовали от Нилову, который к тому времени находился в одиночке тюремного госпиталя, признания возведенного против него обвинения. На решительный отказ Нилова отвечать на поставленные вопросы, следователь приказал его раздеть до гола и дать 20 ударов плетью. Эту [illegible] красноармейцам-башкирам. После этого израненого Нилова, которого приходилось держать за руки, снова

привели к следователю. Это истязание также не сломило молчания Нилова. Раз,яренный отказом, следователь выбил ему прикладом глаз и истекающего кровью Нилова опять принесли в его камеру, где ему только через два дня была оказана помощь. Листовка требует немедленного ареста этого следователя ГПУ. также как и предания суду всего управления Свердловского ГПУ.

9. О тов. Мясникове идут между заграничными рабочими слухи, что он задушен в Тоском ГПУ, что вызывает среди заграничных рабочих огромное возмущение против терроризированной левого русского пролетариата.

Уважаемые товарищи, мы просим вас от наших вопросов, которые мы к вам братски направляем, не отделываться обычной демагогией и остротами, а честно, как братья одного класса с этими замученными русскими коммунистами рассмотреть дело, вскрыть акты несправедливости и как пролетарии и борцы установить фронт за освобождение томящихся товарищей и против повторений подобных диких репресий по отношению левых коммунистов. Этим, уважаемые товарищи, вы действительно вызовете больше доверия и симпатий мирового пролетариата и на деле сделаете шаг к установлению единого революционного фронта.»

ПИСЬМА ИЗ ССЫЛКИ.

Дорогие друзья из «Дела Труда», наконец то получили от вас весточку. Немало переволновались и передумали, не имея от вас долго сообщений. Хорошо понимаем и дорого ценим недостачу у вас свободного времени. Деньги от вас все получили и *их уже нет*. Дело в том, что некоторые из наших друзей вышли уже из больницы (тюрьмы), им приходится оказывать помощь до тех пор, пока они не станут на ноги и смогут сами зарабатывать. Также посылаем теперь немало непосредственно заключенным товарищам. Если имеете деньги, пришлите их.

В. попрежнему хиреет. Болел долго гриппом. Сейчас как будто бы процесс в легких опять начинается. Врачи настаивают, чтобы он поехал хотя бы в сосновый лес на дачу, если нет возможности ехать в Крым. Возможно, что нам удастся отправить его куда-нибудь на лето.

От души желаем вам бодрости духа и много упорных сил для работы. *Е. К.*

Здравствуйте друзья! Давно собирался вам писать, но все время настроение было такое плохое, что невозможно было написать несколько слов. На новом месте я нашел большие затруднения в смысле устройства. Очень трудно было найти комнату; целый месяц я находился у товарища, спал на полу, так как у них комнатка маленькая, а жили мы вчетвером. Это меня страшно измучило. Теперь я достал нечто вроде комнаты, или лучше сказать угол на краю города; также достал временную работу, работаю две недели, может быть буду работать еще пару недель, а то положение критическое, работы здесь нет. Работаю очень тяжело, страшно устаю, настолько, что не в состоянии после работы прочесть газету. Здоровье не важно, нужно лечиться, но теперь нет никакой возможности это сделать. Новое место не намного лучше, чем мое последнее местопребывание.

Теперь у меня к вам, друзья, просьба, писать мне, но понятно, то что можно. У вас верно, там жизнь кипит, идет оценка и переоценка на все 100 %, если не на 10000 %.

Мой привет всем. С.

Приведенное нами письмо получено нами от рабочего анархиста, отбывающего второй срок ссылки. Второй срок ему был назначен недавно, непосредственно по окончании первого срока.

АНКЕТА «LE LIBERTAIRE,А» О ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СССР АНАРХИСТАХ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ РАБОЧИХ

«Le Libetraire», орган Анархо-коммунистического Униниона Франции, начал анкету среди разных общественных деятелей, преимущественно близко стоящих к большевизму, а также среди редакций журналов, симпатизирующих большевизму или подлинно большевистских.

Цитируем текс анкеты:

1. Знаете ли вы, что в России секретная полиция (ГПУ) имеет право судить административно, т. е. без адвокатов, без свидетелей, не публикуя ни обвинения, ни приговора, анархистов, революционных рабочих, боющихся за идеи Октябрьской революции ?

2. Думаете ли вы, что эта тайное административное правосудие, избегающее рабочего контроля, полезно для революции?

3. Знаете ли вы, что наказания так устанавливаемые длятся неограниченно долго, так как по истечении оффициельного срока, они автоматически возобновляются простым решением ГПУ.

4. Что думаете вы об этих мерах, применяемых 6 лет по окончании гражданской войны?

Одобряете ли вы их? Почему?

Считаете ли нужным с ними бороться? Каким образом?

Мы будем стараться приводить здесь некоторые ответы, наиболее характерные.

Ernest Girault, *член Француз. Компартии:*

«1. Я совершенно отрицаю, что ГПУ имееет право судить административно. Я был в России. Я там провел месяцы. Я там сделал опрос касательно положения анархистов. Никогда я не слышал об административном суде. Это мне кажется абсурдом.

2. Так как трибунал рабочих и крестьян в Сов. России всесилен, административная расправа там невозможна. *Весьма очевидно, что если бы дело обстояло так, это было бы вредно для революции.*

3. Ваш вопрос мне кажется абсурдным, так как я не только имею доказательство, что амнистии постоянно бывают, но и уменьшение наказаний и отпуск из тюрьмы очень часто применяется к анархистам. Я не выдумываю

ничего, так как это отпускник из тюрьмы мне дал эти указания в Кремле. Он меня просил по возвращении во Францию обратиться к товарищам из Либертэра, уверяя меня, что этот журнал не всегда им оказывал услуги, коверкая и приувеличивая данные, которые им присылают из России. Если я отказался обратиться к Либертэру, то потому, что я действительно сам констанировал недобросовестность моих старых товарищей анархистов, которые не хотят принят никаких доказательств, которые им предлагаются.

4. Меры наказания, о которых вы говорите, мне кажутся совершенно вымышленными. Если бы они применялись совершенно *тайным образом*, то вполне очевидно, что я бы их *не оправдал*, и если бы я с ними боролся, то не вне коминтерна, а в недрах самой коммунистической партии.

Наконец, после опроса, который я сам сделал в Москве, я думаю, что преследование анархистов есть чистая легенда. Анархитсы в Москве мне это доказали.»

Приведенный нами ответ весьма характерен. Здесь можно предполагать двоякое: или этот французский коммунист отлично осведомлен о режиме в России, но лицемерно старается оправдать московских заправил, или же, что еще более преступно на 10 год революции, он наивен и не постарался узнать истину.

В первом случае он оказался бы plus royaliste, que le roi lui-même, т. е. больше большевиком, чем сами большевики. Ибо только несколько месяцев тому назад Интернациональный Комитет Защиты Анархистов В Париже отправил делегацию к амбассадеру СССР Раковскому. Из уст его заместителя Давтьяна делегаты услышали (это уже было раз опубликовано в Д. Тр.): «да у нас есть административные меры, да мы арестовываем и ссылаем анархистов, потому что они вредны для нынешнего режима» и т. д. Поздно немного французский коммунист принялся защищать то, что имеется зафиксированным даже в особой статье конституции СССР.

Но как бы то ни было, вольно иль невольно, но все то, что сказал Жироль — в нашу пользу. Если бы он знал, что все сказанное нами верно, он бы боролся с этим в коминтерне. Вот этого именно и надо. Мы призываем честный и искренний элемент из коминтерна прозреть и наконец все-же решить, легенда иль не легенда то, что большевики проделывают с революционерами в России.

Вот ответ другого рода.

РОМЭН РОЛЛАН

Я знаю о фактах, о которых вы мне говорите, только из информаций, которых я не мог проверить. Но мне не трудно этому поверить, ибо не беря даже старой испанской пословицы — худшее всегда более вероятно —опыт последних десяти лет нас заставляет думать, что в наше время потрясений и неуравновешенности, в политике совершается всегда самое абсурдное. Всякое правительство — будь то буржуазное, фашистское или коммунистическое — делает непременно то, что оно осуждает у противников, и то, что осуждает его самое на банкротство его идей, на его разрушение.

Нет надобности еще раз сказать, что я раз навсегда клеймлю эти злоупотребления силой; я их осуждал всю жизнь. И они особенно позорны по отношению к своим бывшим товарищам по истыпаниям и жертвам.

Сказав это, я напоминаю всем свободным людям Европы, что момент для свободы очень серьезный: *Россия в опасности*. Ужасающая коалиция могущественных империалистов всего мира подталкиваемая Британской империей, готовится против СССР.

Какие бы ни были несправедливости, глупости и часто даже преступления русской революции, Русская Революция представляет самое большое, самое могущественное и плодотворное социальное усилие современной Европы.

Если она будет сломлена, будет порабощен не только мировой пролетариат, но всякая свобода, социальная и индивидуалльная, которую большевизм по глупости поборол, и которая была лучшим союзником освобожденной России. Мы будем отброшены на много ступеней назад. И европейские народы втянутся не сегодня-завтра в чудовищную войну европейской плутократии и империализма — против независимости Азии.

Довольно споров между бартьями!

Я смею надеяться , что советское правительство окажется достаточно умным, чтоб открыть тюрьмы для своих товарищей врагов, анархистов, социалистов, революционеров и что эти последние великодушно забудут их прежнюю злобу, чтоб составить единый фронт со своими противниками против общего врага.

Поможем этому примирению. Враг у ворот. Война империй. Встанем на защиту европейской свободы!

ХОЧЕТСЯ И КОЛЕТСЯ

Когда большевикам надо было вырвать язык у своих идейных противников, особенно у идейных противников слева, они удушили всю некоммунистическую прессу, заявив, что свобода печати есть буржуазный предрассудок.Право пользоваться этим буржуазным предрассудком коммунисты оставили только за собой. Рабочий класс был лишен этого права. Печать фабриковалась и «выдавалась» властью в виде тюремного однообразного пайка. Но подобно тому, как тюремный паек становится в конце концов невмоготу, подобно этому и казенная печать стала ненавистным и нетерпимым даром большевивиков. Выражение большевиков, что свобода прессы есть буржуазный предрассудок, стало пониматься, как печать лицемерия и иезуитизма большевиков. И в самом деле, при чем тут буржуазия, когда весь рабочий класс, живущий разнообразием мысли, лишен права свободного слова и свободной печати? Очевидно, удушение в СССР свободной печати обозначает не борьбу с буржуазными предрассудками, а борьбу со свободной независимой мыслью рабочего класса. Без,язычного рабочего и крестьянина легче держать в повиновении, нежели рабочих, свободно об,ясняющихся и думающих. Это тактика всех правительств мира. Это тактика и большеви-

ков, допускающих в СССР свободу всевозможного разврата, но как огня боящихся свободной печати в рабочей и крестьянской среде. Получается острая издевка и над рабочими и над большевиками: власть «рабоче-крестьянская», а надзор ее за рабочими и крестьянами чисто панский.

Чувствуя и сознавая это, большевики крутятся и хотели бы для вида допустить хоть щелочку свободного слова. Но тут же пугаются и немедленно замазывают эту щелочку, которой фактически и нет и о которой они в минуту либеральничанья наедине с самими собой осторожненько поговаривают.

В этом отношении характерно выступление С. Гусева, заведующего отделом печати при ЦК ВКП. Гусев признает, что ВКП должна обладать «монополией печати, от которой мы не можем отказаться». В то же самое время он тоскует по свободной критике. «Основная задача сейчас, говорит он, — *развязать нашу критику. Критики, больше критики —вот главная задача сегоднешнего дня*».

Можно подумать, что в решительных восклицаниях Гусева заключается призыв к свободе политической, слова и печати. Но нет, Гусев тут же заявляет, что: *«это вовсе не значит дать свободу критики меньшевикам и эсерам, это также не значит дать свободу дискуссий для оппозиции»*.

Что же в таком случае обозначает свобода слова у большевиков? А вот что: «Максимальная независимость нашей печати,—говорит Гусев, — может являться только в результате максимальной зависимости ее от партии» Сказано откровенно по большевистски и по большевист ски трусливо. Боитесь вы, господа большевики, свободного рабочего слова.

ТО ЧТО Я ПЕРЕЖИЛ В РОССИИ

Приводим выдержки из брошюры тов. Лазаревича, написанной им по прибытии из России — под свежим впечатлением и при свете безусловно революционно-пролетарской оценки. Брошюра издана по французски синдикатом механиков в Льеже, членом которого раньше состоял тов. Лазаревич. Она дает несколько характерных штрихов о положении профсоюзов в России и о положении заключенных в русских тюрьмах рабочих революционеров. Метко отмеченные товарищем черты русской действиткльности полностью проливают свет на социально-политический режим СССР. Главный бич русского рабочего — отсутствиее независимых классовых профсоюзов — верно указан, как ключ, ведущий ко всему режиму бесправия, которое одинаково применяется к русскому рабочему в тюрьме и на воле.

Тов. Лазаревич работал в Москве на заводе «Динамо». Он рассказывает о двух случаях его столкновения с заводским комитетом. Мы цитируем дальше, где тов. рассказывает о третьем столкновении.

«Наконец состоялось собрание, которое решило мою участь на этом заводе;до сего времени принадлежность к синдикату совершалась автоматически; все рабочие, нанимаемые на придприятие бывали зачисляемы членами, не получая даже на руки членских билетов, членские взносы вычитывались из зараб.платы в конце каждого месяца, и никогда рабочие не видели своей организации, кроме разве больших торжественных собраний. С начала нэпа, власть, чтоб иметь возможность наложить свою руку на всякое экономическое сопротивление, которое выявится, как результат изменения борьбы новым порядком — Партия сочла необходимым дать некоторую видимость добровольной принадлежности к синдикату; последний предложил организовать собрания специальные на эту тему; если две трети собрания поднятием рук подтверждали принадлежность, лицо считалось синдикированным; синдикальные карточки оставались как и раньше в конторе завода и членские взносы продолжали вычитываться администрацией предприятий. Я противоставил другую систему, согласно которой членские взносы должны были собираться делегатами мастерских; синдикированные таким образом имели бы случай часто сноситься с органи зацией и ознакомить ее с их требованиями.

Это предложение послужило несколькими неделями позже предлогом для моего удаления из мастерской. Председатель завод. комитета видел с моей стороны оппозицию синдикату вообще и предложил районному комитету и получил разрешение, без обсуждения заводского собрания ,на мое исключение из союза. Затем меня уволили как не синдикированного рабочего; только после долгих переговоров я вернул себе союзный билет. Когда я в кабинете директора завода говорил наедине с председателем завкома насчет моего восстановления на место работы, он меня предупредил дружески, что с его стороны, он уже давно хотел меня видеть арестованным; но остальная часть завкома предпочитала уволив меня через дирекцию, дать возможность работать в других мастерских и увидеть таким образом ,что положение на заводе «Динамо» «не из худших». Это были буквально его слова.»

«Весною 1924 года я встретил в Москве нескольких товарищей, которые зная, что я достаю иногда «Libertaire» или «Der Syndikalist»,просили меня регулярно им их переводить. Чтоб не стать жертвами тайной административной расправы ГПУ, мы собирались для чтения журналов в соседних деревнях; мы собирались здесь только рабочие ручного труда и скоро вопросы заводской жизни заставили нас рассматривать положение союзов. Чтоб судить о положении союзов ,достаточно вспомнить, что несколькими месяцами позже, вслед за произвольным экономическими движениями рабочих масс, Партия вынуждена была выбросить лозунг «оживить профсоюзы». В момент, который нас занимает, они были совершенно дискредитированы в глазах рабочих, ко-

торые видели профсоюзных чиновников ничком перед дирекциями заводов и трестов. Это подтвердилось в еже дневной жизни завкомов, в постановлении о проведении кампании за повышение производительности труда.

Наша группа считала, что индивидуальная пропаганда недостаточна и что она дожна опираться на листовки в пользу создания классовых синдикатов, не зависящих ни от каких партий, которые начали бы защищать строго-рабочие интересы, также против государственных трестов, как и против частных хозяев.

Первая листовка была выпущена по поводу снижения зарплаты, которая производилась одновременно на многих заводах промышленного московск. района, под фор мой уменьшения цен согласно поштучной работе. Эта листовка подчеркивала равнодушие официальных профсоюзов перед лицом наступления на зарплату, и подтверждала, что сопротивление может иметь успех, только опираясь на классовые союзы.

Проект соглашения между Англией и Россией, на котором правительства в принципе уже сошлись, дал повод другой листовке. Переговоры долго велись в чрезвычайном секрете; никогда не информировали рабочих об их развитии; пресса публиковала с трудом и время от времени неопределенные отголоски, подхваченные часто буржуазными журналистами; делегаты уехали, не установив предварительно,что хотели получить и на какие уступки готов был итти русский пролетариат, заключая договор. Проект содержал статью, дающую известное удовлетворение английским патронам,экспроприированным Октябрьской революцией. Мы сказали, что также и в этом случае синдикаты не выполнили их функций, они молчали в то время; как секретная конференция англійского и русского правительства подготовляла необходимость для русских рабочих платить стоимость заводов, уже оставленных и сохраненных, несмотря на всякие военные интервенции. Снова наша листовка видела в этом необходимость создания классовых союзов.

К июлю, русские правители подняли большую кампанию, так сказать для поднятия производительности труда. В действительности, эти ученные слова снова приводили к требованию от рабочих большей интенсивности производства, оставляя ту же заработную плату. Техники стали позолачивать пилюлю, об,являя об установке новых машин, введении рационализации, но в то же время об,являя, что русские рабочие — лентяи, шатающиеся большую часть дня; еще нобходимо было по ихнему, увеличит уже и так большие нормы и сделать их нормальными для заводов; уменьшить цены и согласовать их с поштучной работой и ввести их в тот момент, когда система поштучной работы для шахт получила большое распространиене. Наша листовка уведомляла рабочих об опасности, которую представляла эта кампания, в виду отсутствия классовых синдикатов; при отсутствии прогрессивной идеи, рационализация в производстве позволит правящему классу, без сопротивления,благодаря молчанию оффиціальных синдикатов, — взвалить всю тяжесть поднятия интенсивности труда на шею рабочих».

Эти листовки были написаны людьми нашего класса с первой строки до последней нашей подписи «Группа рабочих».

Она не содержала громких слов об абстрактной свобо де но указывала практический путь, конкретный и определенный: *возвращение синдикатов к классовой борьбе*.

На одном заводе, где наши товарищи их рассеяли ночью по станкам, вскарабкавшись через окно, утром неизвестные наши друзья собрали их и наклеили на оффициальные афиши. В одной мастерской рабочий был застигнут коммунистами при чтении листовки своим товарищам; председатель завкома прибежал раз,яренный и угрожая увольнением, хотел его заставить сказать, кто ему дал. Но двое наши были застигнуты в чайной; подозрительно оглянувшись кругом, *что так характерно для нынешнего русского рабочего*, они приготовились высказать свое мнение. Они не заметили напротив шпиона, который сидел в углу и видел как они выну ли из кармана *преступную* листовку.

В этот вечер рабочая слобода Симоновка увидела сцену из времен Колчаковского режима: огромные автомобили шумом своих моторов разбудили тех, кто весь день поднимал интенсивность труда; обычно эти машины едут только по центральным улицам,унося на своих мягких сидениях каких-либо директоров трестов; в эту ночь они добрались и до грязных рабочих домишек, увести рабочих в тюрьму. Перевернув в домах все вверх дном, агенты ГПУ уводили отцов, в то время как обезумевшие жены и дети плакали.

Через неделю пришла и моя очередь; утром, выходя из дому,я увидел на углу улицы караулящего человека, притаившегося за дверью. Вспомнив о недавних происшествиях, я понял в чем дело; я думал только, что охота будет продолжаться; между тем, пройдя несколько шагов, я увидел этого человека разговаривающим еще с тремя подобными типами. Когда я подошел к киоску, чтоб купить газету, я почувствовал себя схваченным сза ди за рукав, в то время как другой агент подставил мне дуло револьвера к лицу. Тотчас же под,ехал спрятанный в тупике автомобиль, меня туда бросили и немедленно начали расспросы. Так как я попросил у них документы, дающие им право арестовать, они мне представились как агенты по розыску бандитов. Но дорога, по которой следовал автомобиль мне отлично указывал, куда меня ведут и уже через несколько минут я шагал по длинным запутанным корридорам роскошного здания, занимаемого ГПУ на Лубянке.»

(Продолжение следует)

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Голос Труженика, орган Индустриальных Рабочих Мира, Чикакго.

Голос Труда, орган Рос. Рабочих организаций, Буэнос Айрес, 1927 г.

Социалистический Вестник, орган Рос: Соц.-Демокр. Раб. Партии, Берлин.

Воля России, литер. полит. журнал эсеров Прага 1927 г.

Знамя Борьбы, орган левых эсеров и максималистов, N20-21, Берлин, 1927 г.

Die Aktion. Берлин.

ОТЧЕТ.

по предприятию, устроенному «Обществом помощи полит. заключенным и ссыльным в России» и группой «Фрай Арбайтер Стимме» в г. Детройте 1-го янв. 1927г.

ПРИХОД

Входные билеты — 236.40
Гардероб — 54.40
Пожертвование от тов. Зубрина — 7.00
Летучая почта — 4.75
Буфет — 112.80
Всего поступило — 415.35 **дл.**

РАСХОД

Музыка — 57.00
Буфет — 36.71
Помещение — 70.00
Типографские расходы — 31.00
За об,явления в газете «Рассвет» — 15.00
За об,явления в газете «Форвертс» — 28.00
Одна большая реклама — 6.00
Конверты и бумага — 1.94
Билеты для буфета — 1.15
Всего израсходовано — 246.80 **дол.**
Чистой прибыли — 168.55 дол

Еще не поступило 115 бидетов, как только они будут собраны, будет послан добавочный отчет.

Вся прибыль согласно соглашению обоих групп, принимавших участие в предприятии, распределена в следующем порядке: «Группа «Фрай Арбайтер Стимме» направляет 84.55 дол. через Германский комитет, в котором работает тов. А. Беркман, для политических заключенных и ссыльных в России; а «Общество помощи политическим заключенным и ссыльным в России» нанаправляет 84.00 дол. в Группу Русских Анархистов Заграницей, издающую «Дело Труда», для пересылки политическим заключенным и ссыльным в России.

Ревизионная Коммиссия.

По подписному листу N 15 из Нью-Иорка — Е. Белл -3.00 А. Белида — 1.00, Е. Мацигут — 0.50, С. Тимошевич — 0,50, Неизвестный — 0.25, Ж. Вишоваков — 1.00, А. Белоконь – 0.25, Шакматис — 20, А. Криш — 3.00, Возко — 1,00

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ N 5 ДЕТРОЙТ

Грэйн — 1.00, Таненко — 2.00, Сруз — 1.00, Аварец — 1.00, В. Аварец – 1.00, Слевоз — 0.50, Крэйл – 0.50, Ково — 1.00, Р. Бездомов — 0,50, Мактинез — 1.00, Бамоди — 0,50, Гринверг — 0,50, Вайлд — 0,50, Стон — 1.00, Зашник — 0.50, Волман — 0.50, Сораску — 0,50, Шербург — 0.50, Дамидо — 0.50, Тигора — 0.50, Питс — 0.50, Д. Розенбаум — 0,50, Рибио — 0.25, Моргенштейн — 0,25, ВК — 0,25, ИН — 0,25.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ N 6 ДЕТРОЙТ.

Гоголь — 2.00дол., Дмитренко — 0.50, Буков — 0.50, Коскиуско — 0.50, Сибиряк — 1.00, Стойка — 0,50, Коземба — 1.00

ОТ ГРУППЫ ПОЛЬСКИХ АНАРХО-КОММУНИСТОВ ЗАГРАНИЦЕЙ

Группа Польских Анархо-коммунистов Заграницей обращается с горячим призывом ко всем анархическим организациям, имеющим возможность работать среди польских рабочих, как и к польским анархо-коммунистам во *всех* странах — вступить немедленно в прямую связь с ней.

Адрес: Walka, 72 rue des Prairies, Paris 20.

ОТЧЕТ

В средствах, поступивших для заключенных в России анархистов от 15 марта по 1-е июня 1927 г.

ПРИХОД

Остаток на 15 марта 1927 г. (см. N22 Д. Тр.) — 2257 фр.
Из Нью-Иорка через т. Бела — 45 дол.
От научно-просветит. Союза Рус. Раб.г. Бостона (30 дл.) 750 фр.
От тов. Гейдор из Compbell 460 фр.
От Об-ва Помощи Полит. Заключ. в Детройте—69дл.85с.
Итого — 114дл.85 с.3467 фр.

РАСХОД

Послано в Россиию заключенным анархистам 65 дл.777 фр
На организац. заграницей кампании в защиту закл в Рос. анархистов — 15 дл. 630 фр.
Корреспонденция — 5 фр.
Расходы по получению денег — 12 фр 10 см.
Итого расходов: 80 дл. 1424 фр. 10 см.
Остаток на 1-июня 34 дл. 85 с. 2042 фр. 90 см.

Группа Русских Анархистов Заграницей

Ко всем анархистам и сочувствующим!
Товарищи! Переживаемый нами политический момент особенно требует постоянного и своевременного анархического освещения событий. Между тем, ДЕЛО ТРУДА испытывает острую материальную нужду. Напрягите усилия и придите своевременно ему на помощь.

Gérant: L. LORÉAL Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris